

УДК 81-112

UDC

DOI: 10.17223/18572685/79/12

Лексико-семантическое поле «забота» в истории русинского языка

С.А. Толстик

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: stolstik@mail.ru

Авторское резюме

Анализ различных лексических групп является актуальным в современном славянском языкознании в связи с изменением соответствующих фрагментов языковой картины мира. Взаимодействие человека с другим человеком, забота о другом человеке / о себе как мысль о другом, а также действия, направленные на улучшение жизни, – очень важная часть отношений людей в обществе, поэтому лексика со значением ‘забота’ находится в сфере интересов современных лингвистов. Анализируется структура и история формирования русинского лексико-семантического поля «забота». В структуре русинского лексико-семантического поля выделяются два субполя: ‘забота, беспокойная мысль’, т. е. внутреннее состояние и ‘забота, попечение, хлопоты’, т. е. внешнее проявление чувства. Сравнительно-исторический, системно-структурный и ареальный анализ русинского поля позволил выявить, что в его ядерной зоне находится существительное *жура* и однокорневая лексика *клопота*, *гаданя*, *старунок*, *старость*, *стараня* (*ся*), *трапеня*, (*ш*)*трапа*, (*ш*)*трапация*, (*со*)*трапеза*. Общеславянское по происхождению *жура* приобрело семантику заботы позже – в восточнославянском периоде. С праславянского периода в русинском сохраняется лексика с корнем *стар-*. Наиболее поздний ареальный слой поля «забота» – *трапеня*, (*ш*)*трапа*, (*ш*)*трапация*, (*со*)*трапеза*, *клопота*, а также их однокорневые слова. В анализируемом лексико-семантическом поле представлены заимствованные лексические единицы (полонизмы с корнем *трап-*; *клопота*, а также ц.-слав. *трапеза*, производное *сотрапеза* и *гаданя* (возможно, балтизм или вост.-слав. семантическая инновация), что говорит о частичном западнославянском, церковнославянском и, возможно, балтийском влиянии на формирование поля и соответствующего понятия «забота».

Ключевые слова: русинский язык, славянские языки, мотивация, сравнительно-историческое языкознание, этимология, диахрония, историческая лексикология, лексико-семантическое поле

The lexico-semantic field “care” (zabota) in the history of the Rusin language

Svetlana A. Tolstik

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

E-mail: stolstik@mail.ru

Abstract

The analysis of various lexical groups remains a relevant topic in modern Slavic linguistics due to ongoing changes in corresponding fragments of the linguistic worldview. The interaction between humans, care for others and for oneself – both as a thought about another and as actions aimed at improving life – constitutes a crucial aspect of social relationships. Consequently, lexicon expressing the meaning of ‘care’ has become a focus of interest for contemporary linguists. The article analyzes the structure and history of formation of the Rusin lexico-semantic field of *care* (‘zabota’). Within this field, two subfields are identified: ‘care as anxious thought’, referring to an internal state, and ‘care as guardianship, trouble, effort’, pertaining to the external manifestation of this feeling. A comparative-historical, systemic-structural, and areal analysis of the Rusin field has revealed that its core is constituted by the noun *zhura* and its cognates, alongside *klopota*, *hadania*, *starunok*, *starost*, *staraniasia*, *trapenia*, *(sh)trapa*, *(sh)trapatsiia*, and *(so)trapeza*. The lexeme *zhura*, of Common Slavic origin, acquired its semantics of ‘care’ at a later stage – during the East Slavic period. Lexicon with the root *star-* has been preserved in Rusin since the Proto-Slavic period. The most recent areal layer of the ‘care’ field includes *trapenia*, *(sht)rapa*, *(sht)rapatsiia*, *(so)trapeza*, *klopota*, as well as their cognates. The analyzed lexico-semantic field features borrowed lexical units – Polonisms with the root *trap-*, *klopota*, as well as Church Slavonic *trapeza* and its derivative *sotrapeza*, and *hadania* (possibly a Balticism or an East Slavic semantic innovation). This indicates partial West Slavic, Church Slavonic, and, possibly, Baltic influence on the formation of the field and the corresponding concept of ‘care’.

Keywords: Rusin language, Slavic linguistics, motivation, comparative historical linguistics, etymology, diachrony, historical lexicology, lexico-semantic field

Изучение в разных аспектах лексико-семантических полей в славянских и других языках, их истории является актуальным в современной лингвистике в связи с проблемой отражения в них динамики языковой картины мира (Е.Л. Березович, Ж.Ж. Варбот, В.Г. Гак,

Л.П. Дронова, С.М. Толстая, О.Н. Трубочёв и др.). Актуальность данного исследования обусловлена исторической, лингвокультурологической проблематикой, а также выбранным материалом. Взаимодействие человека с другим человеком, забота о другом / о себе как мысль о другом, а также действия, направленные на улучшение жизни, – важнейшая часть отношений людей в социуме, следовательно, лексика в значении ‘забота’ находится в сфере интересов современных языковедов, в том числе историков языка. Поэтому исследование истории данной лексики в славянских и других языках также является актуальным. Результаты историко-лингвистических исследований такого рода помогают вскрыть ряд закономерностей исторического развития «абстрактной лексики в целом в период перехода от средневекового типа сознания и осмысления действительности к мышлению Нового времени» [18: 37].

В данной статье мы пытаемся выявить структуру лексико-семантического поля (ЛСП) «забота» в русинском языке и проследить его формирование в истории языка. Наше исследование может показать общеславянские или более поздние черты в структуре анализируемого поля.

Специальных исследований, посвящённых анализу ЛСП «забота» в истории русинского и других славянских языков, мы не нашли. В некоторых работах анализируется лексика, которая имеет значение ‘забота’ в каких-либо славянских языках, выявляются мотивационные модели, отчасти пересекающиеся с теми, которые мы встретили в данном материале.

Так, в статье «Понятие “тоска / печаль” в русинском языке: историко-ареальные связи» Л.П. Дронова, анализируя лексические способы выражения одной из базовых эмоций, рассматривает и интересующую нас общеславянскую по происхождению лексему *жура*, имеющую в русинском значения как ‘тоска, печаль’, так и ‘забота’, и её словообразовательные связи. По мнению автора, производящее «русинское, украинское и белорусское *журить* (-и) – это некий регионализм на уровне восточнославянских языков» [6: 122]. Семантика слова *жура*, как и у других славянских анализируемых единиц, диффузна: обозначение тоски взаимодействует в семантической структуре с обозначением заботы, (со)страдания, скуки-хандры и др. [6: 123]. Нас же интересует возникновение у слова *жура* значения ‘забота’ в русинском языке, его статус и время вхождения в ЛСП.

Семантика славянской лексики с корнем **god-* / **gad-* рассматривается в монографии Л.П. Дроновой «Становление и эволюция модально-оценочной лексики русского языка: этнолингвистический аспект», в том числе с речевой и мыслительной семантикой. Интересующее

нас значение заботы в этом материале (*гадания*), кроме русинского, наблюдается в балтийских языках (см. ниже) [7: 45–46].

Ж.Ж. Варбот в статье «Об этимологии глагола *стараться*» говорит о первичном значении ‘терзать, мучить’ и о принадлежности этого глагола к гнезду **terti* ‘тереть, растирать, измельчать’ [3: 281].

Что касается лексики с корнем *стар-*, мы частично опираемся на работу А. Золтана «Мнимое праславянское **starati se*», где анализируется история этого глагола в славянском ареале и делается вывод, что глагол имеет общеславянское распространение, но не праславянское происхождение, появляется «в результате миграции из одного славянского языка в другой значительно позднее распада праславянского языка» [13: 82]. Значение заботы, согласно данным этой статьи, было зафиксировано ещё в старочешский период у Яна Гуса (в начале XV в.) [13: 88].

Е.И. Тимошенко выделяет две славянских мотивационных модели развития семантики заботы (‘повреждать, разрушать, наносить физический ущерб’ → ‘беспокоить, заботить’ и ‘создавать, упорядочивать, благоустраивать’ → ‘проявлять внимание, заботиться о ком-л., стремиться привести дела в должное состояние’) и делает вывод, что «абстрактное значение ‘забота’ является производным и почти всегда формируется на основе метафорического переноса» [28: 137].

Итак, в данной статье мы опираемся на часть выводов указанных выше работ, прежде всего Л.П. Дроновой, Е.И. Тимошенко, но рассматриваем лексико-семантическое поле «забота», его структуру и историю формирования на материале русинского языка.

Цель данной статьи – выявить, каким образом структурировано ЛСП заботы в русинском языке, выяснить, как формировалось поле в истории русинского языка, самостоятельно ли, унаследовано из праязыкового или более позднего состояния или под влиянием других языков и культур.

Методы анализа – сравнительно-исторический, системно-структурный и ареальный, с помощью которых определяется история формирования поля в русинском языке.

Материалом исследования послужили лексические единицы, обозначающие заботу в русинском языке, затем – в контактных славянских языках, а также данные родственных славянских языков.

Источники исследования: толковые, исторические, этимологические, диалектные, двуязычные, словари славянских языков (более 30 словарей).

Лексические единицы для анализа набирались из «Русско-русинского словаря» И. Керчи. Так, в русинском языке в ЛСП «забота» входят существительные *жура*, *клопот(а)*, *старунок*, *старость*, *стараня*

(ся), гаданя, трапеня, (ш)трапа, (ш)трапация, (со)трапеза, а также их однокорневые слова [14: 276].

В структуре русинского ЛСП мы выделили два субполя: субполе I ‘забота как беспокойная мысль’, ‘внутреннее состояние, внутреннее проявление чувства’ (**жура 1**, гаданя, стараня 1, старунок 1, старость 1, (ш)трапа, (ш)трапация, трапеня) и субполе II ‘забота как попечение, уход за кем-либо, хлопоты’, т. е. внешнее проявление чувства (**жура 2**, стараня 2, старунок 2, хлопот(а), (со)трапеза). Ядро жура и лексика с корнем *стар-* в разных значениях, передающих внутреннюю и внешнюю заботу, находится в двух субполях исследуемого поля.

Наиболее употребительным словом, ядром русинского ЛСП, является жура, поскольку стоит на первом месте в списке синонимов в двуязычном словаре И. Керчи: *То ми не жура* ‘Не моя забота’ [14: 276; 16: 279; 22: 120]. Жура является доминантой обоих синонимических рядов, и, возможно, изначально синкретично представляло заботу вместе с беспокойным чувством (см. ниже). Оно имеет также значения, передающие проявления внутреннего состояния человека ‘горе’, ‘грусть, печаль, тоска’ [16: 279; 19: 57; 20: 86; 22: 120]. Из родственных слов представлены однокорневой глагол жури́ти, который тоже характеризует как проявление заботы, так и горестные, печальные чувства, а также прилагательное журный ‘грустный, печальный, тоскливый’ и наречие журно ‘грустно, печально, жалобно’ [16: 280; 42: 196].

Поскольку семантика заботы является переносной для большинства исследуемых лексем, не будем разграничивать ближнюю и дальнюю периферию, выделим только ядро и периферию в целом.

Рассмотрим остальные члены первого субполя ‘беспокойная мысль’, их семантическую структуру и однокорневые слова. Гаданя имеет значение заботы как беспокойной мысли (*Не в н’ого гаданє, про жуну тай діти, йуму лиш бы с’а напиту*), так и интеллектуальной деятельности в целом – ‘мышление, размышление’ [16: 155; 20: 43]. Однокорневой глагол тоже имеет семантику заботы – гадати ‘заботиться, беспокоиться’: *Она ніч не гадат за своїм чулувіком* [20: 43]. Остальная родственная лексика в основном отражает семантику интеллектуальной деятельности (гадковати, гадка и др.) [16: 155].

Следующая группа синонимов – с корнем *стар-*: старунок 1, старость, стараня (ся) / старанє 1, старость 1 [12: 915; 14: 276]. Старунок 1 имеет интересующее нас значение ‘беспокойство, тревога, волнение’ [17: 381–382]. Стараня (ся) / старанє 1, старость 1 характеризуют заботу как беспокойную мысль, а также действие, усилие [12: 915; 15: 421].

Несколько русинских лексических единиц, выражающих понятие внутренней заботы, имеют корень *трап-*: (ш)трапа, (ш)трапация,

трапєня [14: 276; 17: 429–430, 596]. Другие значения этих слов характеризуют мучения, терзания, тревогу и прочие неприятности [17: 429]. Однокорневые *трапєник* и *трапєниця* имеют значение 'страдалец / страдалица' [17: 429].

В субполе II 'попечение, уход за кем-либо, хлопоты' прежде всего входит ядро *жура II*: *Адї вже маї свою журу в хатї* [14: 276; 16: 279; 22: 120].

Старунок 2 имеет интересующее нас значение 'забота, обязанность': *То припадат у муй старунок* 'Это входит в мою обязанность. Гости имеют такой старунок, а вни на такой щи ани не подумали' 'У гостей столько забот, а они об этом даже не подумали' [17: 382]. *Стараня (ся) / старанє 2, старость 2* характеризуют заботу и как действие, усилие [12: 915].

Клопот или *клопота* тоже имеет значение заботы как действия, хлопот: *Тото даст много клопоты* 'Это потребует больших хлопот', другое значение – 'затруднение' [16: 414]. Однокорневая лексика отражает ту же семантику (забота, труд): *клопотати(си)* 'заботить(ся)', *клопотун* 'хлопотун' и др. [16: 414; 19: 80].

Последний член II субполя – *трапєза* и его префиксальное производное *сотрапєза* выражают понятие заботы как действия, хлопот. *Сотрапєза* обозначает совместные заботы, хлопоты (без контекста), на что указывает префикс *со-*, а также наличие значений 'неприятности, мучения, страдания', 'общее несчастье' [14: 276]. Дериваты тоже выражают семантику несчастья: *трапєзный* 'мучительный', *сотрапєник* 'товарищ по несчастью' и *сотрапєницький* 'общий по несчастью' [17: 362, 429].

С целью выявить **историю формирования** русинского ЛСП «забота», развитие семантики анализируемых лексических единиц поля, мы обратились прежде всего к истории ядерного слова.

Ядерная лексема *жура* является общеславянской по происхождению, но не в интересующем нас значении 'забота', а как 'печаль, скорбь'. В значении заботы оно представлено только в восточнославянском ареале: кроме русинского, русск. диал. *журба* 'забота' (Брян., Моск., Саратов.), укр. *журба, жур, журбота* 'забота' [5: 493; 32: 309; 34: 250]. В основном в этих языках также представлена семантика печали, тоски, значение 'забота' представлено в меньшей степени. То есть появление значения заботы – это уже поздняя восточнославянская инновация (по всей видимости, от 'тоска, печаль' → 'забота-мысль' → 'забота-действие'). Несмотря на достаточно позднее появление исследуемой семантики, слово *жура* стало ядерной лексемой анализируемого поля «забота» в русинском языке, в отличие от украинского, где этот синонимический ряд возглавляет лексема *турбота* [9: 214].

Значение заботы у существительного *гаданя* отмечено в русинском языке и как диалектное в украинском при значении в литературном 'горе', 'мысль', 'загадка'. Кроме того, в варианте *гадка* 'забота, дума' оно представлено и в отдельных южнорусских диалектах (курск., орл.) [2: 92; 8: 449; 11: 134; 24: 91; 35: 77–78]. Диалектное украинское *гаданя* 'забота', судя по указанному в ЭССЯ источнику, – это фиксация слова Л.Деже в его работе «Материалы к словарю закарпатской литературы XVII–XVIII вв.» (со ссылкой на «Словарь Няговской Постиллы XVI в.») [35: 78]. Следовательно, значение 'забота' у *гаданя/гадка* зафиксировано в словарях только в западноукраинском (русинском) и двух юго-западных диалектах русского языка (курско-орловский ареал).

На древневосточнославянском уровне (на материале древнерусского языка) у лексики с корнем *гад-* не было значения заботы, только семантика ментальной деятельности – 'вопрос', 'рассуждение', 'обсуждение', а также 'пророчество, гадание' [23: 314; 25: 5–6; 34: 11–12]. Учитывая близость понятий «дума / думать» и «забота/заботиться», предполагаем в данном случае семантическую инновацию. На возможность этого предположения указывает, например, толкование и контекстное употребление слова *гадка* (по форме аналогично русск. диал.; см. выше) в словаре украинского языка Б.Д. Гринченко: *А ні гадки. І гадки не має* 'И не думает вовсе. И не заботится'; *Його лають, а він і гадки не має* 'Его бранят, а он не заботится' [5: 404].

С другой стороны, значение заботы встречается не только в русинском и русском, но и в литовском и латышском языках в гнездах однокорневых слов: ср. лит. *godóti* не только 'думать', но и 'заботиться', лит. диал. *godà* 'забота, печаль', *pagúoda* 'утешение, забота', лтш. *gādāt* 'думать, прикидывать' и 'заботиться, хлопотать, добывать' [8: 449; 38: 159]. Таким образом, значение 'забота' приведенных однокорневых слов – это либо русинско-южнорусско-балтийская изоглосса, о природе которой нельзя судить однозначно (возможно, есть какая-то историческая основа этого совпадения), либо диалектная инновация в русинском и русском. Во многих славянских языках производящий глагол **gadati* имеет интеллектуальную семантику 'думать, мыслить, рассуждать', а также часто представлен с речевой семантикой [1: 300–302; 35: 77–78]. Полагаем, что развитие семантики заботы могло быть в таком направлении: 'думать, мыслить' → 'думать о ком-то' → 'поддерживать, заботиться', т. е. думать о человеке и затем совершать соответствующие действия.

Лексика с корнем *стар-* в значении заботы, ухода представлена в восточно- и западнославянских группах (не в каждом языке), а также в сербохорватском, ср. *старание*, укр. *старання*, укр. диал. *старань*, русск. *старание*, польск. устар. и диал. *staranie*, с.-хорв. *старанье* [4:

1003; 13: 85; 27: 652; 28: 137]. В сербохорватском, словенском, чешском, словацком, польском, лужицких языках возвратный однокорневой глагол имеет семантику заботы (с.-хорв. *smàrpati se* 'заботиться', 'стараться', словен. *stàrati se* 'заботиться', 'хлопотать', чешск. *starati se* 'заботиться', слвц. *starat' sa* 'заботиться', 'хлопотать', польск. *starać się* 'стараться', 'заботиться', 'хлопотать', в.-луж. *starać so* 'заботиться', н.-луж. *staraś se* 'заботиться') [3: 279; 13: 85; 30: 746; 37: 639–640]. Другая семантика этой лексики – значения тоски, печали, беспокойства, т. е. горестного чувства [13: 85], от которого, возможно, и производно значение заботы или изначально было представлено с ними синкретично.

Старунок, кроме русинского, отмечается с исследуемой семантикой в диалектах украинского и польского языков (*starunek*) [10: 397; 27: 664; 38: 266].

Существительное *старость* как обозначение заботы относится к этому же материалу с корнем *стар-* 'старание', а не к прилагательному *старый* (хотя в словаре И. Керчи, например, в одной словарной статье дается 'забота' и 'старость') [13; 17: 381]. Как 'забота, хлопоты' отмечается и во всех западнославянских языках: слвц. *starost'*, ст.-польск., польск. диал. и в.-луж. *starość*, чеш. *starost* [3: 279, 365; 21: 489; 33: 365; 39: 266; 40: 522; 41: 421]. Возможно, в данном случае на русинскую лексику с корнем *стар-* оказали влияние западнославянские языки – польский или словацкий, т. к. они являются контактными для русинского.

Звукоподражательное по происхождению *клопот(а)* в значении заботы, помимо русинского, отмечено в западно-восточнославянском ареале, где часто в семантике также представлено обозначение угнетающего чувства – печаль, мучение и т. п.: польск., ст.-польск. *kłopot*, польск. *kłopot*, польск. диал. *chłopot*, *kłopot*, ст.-чеш. *lopot(a)*, слвц. *klopota*, русск. *хлопоты*, русск. диал. *клопот* (смол.), *клопоты* (Смол., Зап.-Брян., Курск., Орл., Вят., Урал.), укр. *клопіт*, блр. *клопат*. В южнославянских языках отсутствует семантика заботы, в основном сохранилась исходная звуковая семантика ('шум, стук', 'колокольчик' или 'беспорядок') [9: 465–466; 28: 137; 29: 36: 70–71]. Варианты с начальным *х-* *хлопоты/хлопотать* – экспрессивные к *клопот/клопотать* [36: 70–71]. Значение заботы, по всей видимости, производно от 'возня, суета, сопровождаемые шумом': «Формирование абстрактного значения 'забота', 'заботиться' в данном случае должно быть объяснено как результат метонимического переноса, основанного на смежности действия и цели, достижение которой обеспечивается этим действием» [28: 137].

Ряд исследователей предполагают польское заимствование: «учитывая ареал глагола во вторичных значениях на восточнославянской

территории (украинский, белорусский, западные говоры русского языка), склоняются к версии о польском языке как источнике заимствования; причем как наиболее вероятное рассматривается предположение о заимствовании существительного и самостоятельном образовании глаголов на восточнославянской почве» [28: 137; 36: 70–71]. Опираясь на ареальные данные, соглашаемся с версией о заимствовании анализируемого русинского *клопот(а)* из польского.

Заимствования или производные от заимствований члены ЛСП – (*ш*)*трапа*, (*ш*)*трапация*, *трапеня* – наиболее поздний пласт анализируемой лексики. Кроме русинского, однокорневая лексика отмечается в старопольском (с XV в.) и словацком (с XVI в.) языках, как характеризующая огорчение, тревогу: словц. *trápenie* ‘заботы, хлопоты’, *trápit’ (sa)* ‘мучить(ся), терзать(ся)’, *trápny* ‘мучительный, неприятный’, польск. *trapić* ‘переживать, тревожить’, *trapić się* ‘мучиться’, ‘причинять огорчение’, с префиксами *strapienie/utrapienie* ‘забота’ и ‘огорчение’ [4: 1071; 21: 543; 37: 639–640; 40: 622]. В украинском есть диал. существительное *трапління* с семантикой заботы (хлопоты) [10: 622], которое вместе с родственной диалектной лексикой (*трапити (ся)*) является полонизмами по происхождению [10: 622]. В русинском языке, по всей видимости, это тоже заимствование из польского.

Полагаем, что русинский субстантив *сотрапеза* – вероятно, приставочное производное от церковнославянизма *трапеза* как ‘совместная трапеза’, совместное питание, кормление (ср. развитие семантики от пищевого значения в русск. *забота*). В других славянских языках этот дериват не был найден, в том числе в церковнославянском, старославянском и болгарском только *трапеза* и однокорневые, из приставочных есть только в ц.-слав. и русск. *сотрапезный*, *сотрапезник* [26: 699–700; 31: 94].

Подводя итоги, сделаем следующие выводы:

1. В русинском языке выделяются два субполя – I ‘забота как беспокойная мысль’ и II ‘забота как внимание, хлопоты, попечение’. Ядерной лексемой исследуемого поля и доминантой обоих синонимических рядов является существительное *жура*. К субполю I относятся **жура 1**, *гаданя*, *стараня 1*, *старунок 1*, (*ш*)*трапа*, (*ш*)*трапация*, *трапеня*, ко II – **жура 2**, *стараня 2*, *старунок 2*, *клопот(а)*, (*со*)*трапеза*.

2. Русинское ЛСП частично сохраняют следы славянского представления о заботе как о внутреннем интенсивном беспокойном чувстве (печаль / тревога, беспокойство), так и о внешнем ее проявлении: о питании, кормлении (ср. русск. *забота/зобота* и *зоб* ‘корм’, *зобати* ‘клевать, есть’), присмотре, суете, старании. На уровне языка это выразилось в реализации понятия «забота» производными слав. *стар*, *клоп-/хлоп-*.

3. Ядерная лексема ЛСП «забота» *жура* – общеславянская по происхождению – приобрела семантику заботы уже, по всей видимости, только в восточнославянский период. Глубже по происхождению лексика с корнем *стар-*: она сохраняет семантику заботы как актуальную в основном в западном и южном ареалах, а также в украинском и русском. Русинское *клопот(а)* имеет соответствия в западно-восточнославянском ареале, и, по всей видимости, это полонизм. *Гаданя* в значении заботы представлено из славянских языков только в курско-орловских диалектах (*гада, гадка*) и русинском. Употребление в русинском, южнорусских говорах и балтийских языках может говорить о вероятности балтийского влияния, но не имеет однозначного толкования.

4. В анализируемом ЛСП представлены заимствованные/производные от заимствований лексические единицы (полонизмы с корнем *трап-* и *клопот(а)*, церковнославянизм *трапеза* и его производное *сотрапеза*, что говорит о частичном влиянии на формирование русинского поля инославянского (церковнославянского, польского) и, возможно, балтийского культурно-языкового наследства.

Список сокращений

В.-луж. – верхнелужицкий; вост.-слав. – восточнославянский; диал. – диалектный; курск. – курский; лит. – литовский; лтш. – латышский; н.-луж. – нижнелужицкий; орл. – орловский; польск. – польский; русск. – русский; слав. – славянский; словен. – словенский; словц. – словацкий; ст.-польск. – старопольский; с.-хорв. – сербохорватский; ст.-чеш. – старочешский; укр. – украинский; устар. – устаревший, ц.-слав. – церковнославянский, чеш. – чешский.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникин А.Е. Русский этимологический словарь: в 17 вып. Вып. 9: Врандовать–Галоп. М.: Знак, 2015. 383 с.
2. Белецкий-Носенко П.П. Словник української мови / підгід. до вид. В.В. Німчук. Київ: Наукова думка, 1966. 422 с.
3. Варбот Ж.Ж. Об этимологии глагола *стараться* // Исследования по русской и славянской этимологии. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 278–284.
4. Гессен Д., Стыпула Р. Большой польско-русский словарь = Wielki słownik polsko-rosyjski. Москва: Русск. яз.; Варшава: Ведза Повшехна, 1967. 1344 с.
5. Гринченко Б.Д. Словарь украинского языка: в 4 т. Т. 1: А–Ж. Київ, 1907. 495 с.
6. Дронова Л.П. Понятие «тоска / печаль» в русинском языке: историко-ареальные связи // Русин. 2018. № 52. С. 118–125.

7. Дронова Л.П. Становление и эволюция модально-оценочной лексики русского языка: этнолингвистический аспект. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. 256 с.

8. Етимологічний словник української мови = Этимологический словарь украинского языка: в 7 т./ голов. ред. О.С. Мельничук; укладачі Р.В. Болдырев, В.Т. Коломієць, Т.Б. Лукінова и др. Т. 1: А–Г. Київ: Наукова думка, 1982. 632, [2] с.

9. Етимологічний словник української мови = Этимологический словарь украинского языка: в 7 т./ голов. ред. О.С. Мельничук; укладачі Р.В. Болдырев, В.Т. Коломієць, Т.Б. Лукінова и др. Т. 2: Д–Копці. Київ: Наукова думка, 1985. 573 с.

10. Етимологічний словник української мови = Этимологический словарь украинского языка: в 7 т./ голов. ред. О.С. Мельничук; укладачі Р.В. Болдырев, В.Т. Коломієць, Т.Б. Лукінова и др. Т. 5: П–Т. Київ: Наукова думка, 2006. 704 с.

11. Желеховский €. Малорусско-немецкий словарь. Ruthenian-deutsches Wörterbuch: в 2 т. Т. 1: А–О. Львів; Lemberg, 1886. 608 с.

12. Желеховский €. Малорусско-немецкий словарь. Ruthenian-deutsches Wörterbuch: в 2 т. Т. 2: П–Я. Львів; Lemberg, 1886. 1117, [1] с.

13. Золтан А. Мнимое праславянское *starati se // Шаги / Steps. 2021. Т. 7, № 3. С. 82–96.

14. Керча И. Російсько-русинський словник – 65 000 слів = Русско-русинский словарь – 65 000 слов: в 2 т. Т. 1: А–Н. Ужгород: ПоліПрінт, 2012. 580 с.

15. Керча И. Російсько-русинський словник – 65 000 слів = Русско-русинский словарь – 65 000 слов: в 2 т. Т. 2: О–Я. Ужгород: ПоліПрінт, 2012. 596 с.

16. Керча И. Русинсько-російський словник. Понад 58 000 слів = Русинско-русский словарь. Свыше 58 000 слов: в 2 т. Т. 1: А–Н. 2007. Ужгород: ПоліПрінт. 608 с.

17. Керча И. Русинсько-російський словник. Понад 58 000 слів = Русинско-русский словарь. Свыше 58 000 слов: в 2 т. Т. 2: О–Я. Ужгород: ПоліПрінт, 2007. 608 с.

18. Колокольникова М.Ю. Дискурсивный анализ в исторической лексикологии и семасиологии (на материале морально-этической лексики в западноевропейских языках Средневековья): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2011. 40 с.

19. Пипаш Ю.О., Галас Б.К. Матеріали до словника гуцульських говірок. Ужгород, 2005. 266 с.

20. Сабадош І. Словник Закарпатської говірки села Сокириця Хустського району. Ужгород: Ліраб, 2008. 480 с.

21. Словацко-русский словарь. Около 45 000 слов = Slovensko – ruský slovník. Москва; Братислава: Рус. яз.; Словац. пед. изд-во, 1976. 768 с.

22. Словник буковинських говірок / за заг. ред. Н.В. Гуйванюк. Чернівці: Рута, 2005. 688 с.

23. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 13 т. / гл. ред. Р.И. Аванесов. Т. 2: Въззакати–Добродѣтельник. М.: Русский язык, 1989. 494 с.
24. Словарь русских народных говоров: в 52 вып. / гл. ред. Ф.П. Филин; ред. Ф.П. Сороколетов. Вып. 6: Выросток – Гон. Л.: Наука, 1970. 360 с.
25. Словарь русского языка XI–XVII вв.: в 31 вып. / гл. ред. Г.А. Богатова. Вып. 4: Г–Д. М.: Наука, 1977. 404 с.
26. Словарь старославянского языка (по рукописям X–XI): Около 10 000 слов / Э. Благова, Р.М. Цейтлин, С. Геродес и др.; под ред. Р.М. Цейтлин, Э. Вечерки и Э. Благовой. 2-е изд., стереотипн. М.: Русский язык, 1999. 842 с.
27. Словник української мови: в 11 т. Т. 9: С / зав. ред. І.К. Білодід. Київ: Наукова думка, 1978. 918 с.
28. Тимошенко Е.И. Мотивационные модели формирования семантики «забота» в русском и других славянских языках // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А: Гуманитарные науки. 2018. № 10. С. 134–138.
29. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. URL: <https://www.skarnik.by> (дата обращения: 19.03.2024).
30. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. 2-е изд., стереотип. / пер. с нем. и доп. чл.-кор. О.Н. Трубачёва; под ред. и с предисл. проф. Б.А. Ларина. Т. 3: Муза–Сят. М.: Прогресс, 1987. 832 с.
31. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. 2-е изд., стереотип. / пер. с нем. и доп. чл.-кор. О.Н. Трубачёва; под ред. и с предисл. проф. Б.А. Ларина. Т. 4: Т–Яшур. М.: Прогресс, 1987. 864 с.
32. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. 3-е изд., стереотип. Т. 1: А–Пантомима. М.: Рус. яз., 1999. 624 с.
33. Чешско-русский словарь = Cesko-ruský slovník: в 2 т. / под ред. Л.В. Копецкого и Й. Филиппа. Т. 2: P–Ž. Москва: Русский язык; Praha: Stat. ped. nakl., 1976.
34. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы: в 15 вып. / Р.М. Малько [і шш.]; рэд. Г.А. Цыхун. Вып. 3: Г–І. Мінск: Беларус. навука, 1985. 407 с.
35. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд: в 42 вып. / подгот. О.Н. Трубачев, В.А. Меркулова, Ж.Ж. Варбот и др.; под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 6. М.: Наука, 1979. 223 с.
36. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд: в 42 вып. / подгот. О.Н. Трубачев, В.А. Меркулова, Ж.Ж. Варбот и др.; под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 10. М.: Наука, 1983. 199 с.
37. Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków: Wydawnictwo literackie, 2005. 863 s.
38. Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, Winter; Göttingen, 1962. Bd. 1. 1560 p.
39. Karłowicz J. Słownik gwar polskich: w 6 t. T. 5. R S Ś T. Kraków, 1907: Nakładem Akademji Umiejętności, drukarnia C.K. Uniwersytetu Jagiellońskiego, 462 s.

40. Kralik L. Stručný etymologický slovník slovenčiny. Bratislava: Veda. 704 s.
41. Słownik staropolski: w 11 t. / redaktor naczelny, kierownik S. Urbanczyk. T. 8-6 [53]: Zrządzić–Żać. Krakow: Polska Akademia Nauk, 1981. 481 s.
42. Šišková R. Areálová studie slovní zásoby rusinských nářečí východního Slovenska. Diferenční slovník. Praha: Slovanský ústav AV ČR, 2009. 200 s.

REFERENCES

1. Anikin, A.E. (2015) *Russkiy etimologicheskii slovar'* [The Russian Etymological Dictionary]. Vol. 9. Moscow: Znak.
2. Beletskiy-Nosenko, P.P. (1966) *Slovník ukrains'koyi movi* [The Dictionary of the Ukrainian Language]. Kyiv: Naukova dumka.
3. Varbot, Zh.Zh. (2012) Ob etimologii glagola 'starat'sya' [On the etymology of the verb 'starat'sya']. In: *Issledovaniya po russkoy i slavyanskoy etimologii* [The Research in Russian and Slavic Etymology]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 278–284.
4. Gessen, D. & Stypula, R. (1967) *Bol'shoy pol'sko-russkiy slovar'* [The Large Polish-Russian dictionary]. Warsaw; Moscow: Wiedza Powszechna – Sovetskaya entsiklopediya.
5. Grinchenko, B. (1907) *Slovar' ukrainskogo yazyka* [The Dictionary of the Ukrainian Language]. Vol. 2. Kyiv: [s.n.]
6. Dronova, L.P. (2018) The concept "melancholy / sadness" in the Rusin language: Historical-areal connections. *Rusin*. 52. pp. 118–125 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/52/9
7. Dronova, L.P. (2006) *Stanovlenie i evolyutsiya modal'no-otsenochnoy leksiki russkogo yazyka: etnolingvisticheskiy aspekt* [The formation and evolution of modal-evaluative vocabulary of the Russian language: The ethnolinguistic aspect]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Melnichuk, O.S. (ed.) (1982) *Etimologichnyi slovník ukrains'koyi movi* [The Etymological Dictionary of the Ukrainian language]. Vol. 1. Kyiv: Naukova dumka.
9. Melnichuk, O.S. (ed.) (1985) *Etimologichnyi slovník ukrains'koyi movi* [The Etymological Dictionary of the Ukrainian language]. Vol. 2. Kyiv: Naukova dumka.
10. Melnichuk, O.S. (ed.) (2006) *Etimologichnyi slovník ukrains'koyi movi* [The Etymological Dictionary of the Ukrainian language]. Vol. 5. Kyiv: Naukova dumka.
11. Zhelekhovskiy, E. (1886a) *Malorusko-nemetskiy slovar. Ruthenian-Deutsches Wörterbuch* [The Rusin-German dictionary]. Vol. 1. Lwow – Lemberg: [s.n.].
12. Zhelekhovskiy, E. (1886b) *Malorusko-nemetskiy slovar. Ruthenian-Deutsches Wörterbuch* [The Rusin-German dictionary]. Vol. 2. Lwow – Lemberg: [s.n.].
13. Zoltan, A. (2021) Mnimoe praslavyanskoe *starati sę [The imaginary Proto-Slavic *starati sę]. *Shagi/Steps*. 7(3). pp. 82–96.
14. Kercha, I. (2012a) *Rosiys'ko-rusins'kiy slovník* [The Russian-Rusin Dictionary]. Vol. 1. Uzhhorod: PoliPrint.

15. Kercha, I. (2012b) *Rosiys'ko-rusins'kiy slovník* [The Russian-Rusin Dictionary]. Vol. 2. Uzhhorod: PoliPrint.
16. Kercha, I. (2007a) *Rusins'ko-rosiys'kiy slovník* [The Rusin-Russian dictionary]. Vol. 1. Uzhhorod: PoliPrint.
17. Kercha, I. (2007b) *Rusins'ko-rosiys'kiy slovník* [The Rusin-Russian dictionary]. Vol. 2. Uzhhorod: PoliPrint.
18. Kolokolnikova, M.Yu. (2011). *Diskursivnyy analiz v istoricheskoy leksikologii i semasiologii (na materiale moral'no-eticheskoy leksiki v zapadnoevropeyskikh yazykakh Srednevekov'ya)* [The discourse analysis in historical lexicology and semasiology (based on moral and ethical vocabulary in Western European languages of the Middle Ages)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Saratov.
19. Pipash, Yu.O. & Galas, B.K. (2005) *Materiali do slovníka hutsul'skikh govirok* [Materials for the Dictionary of Hutsul Dialects]. Uzhhorod: [s.n.].
20. Sabadosh, I. (2008) *Slovník Zakarpats'koyi govorki sela Sokirnitsya Khusts'kogo rayona* [The Dictionary of Transcarpathian Dialect of Sokirnitsa Village, Khust District]. Uzhhorod: Lirab.
21. Kollar, D., Dorotyakova, V. et al. (eds) (1976) *Slovensko-ruský slovník* [The Slovak-Russian Dictionary]. Moscow; Bratislava: Russkiy yazyk; Slovats. ped. izd-vo.
22. Guyvanyuk, N.V. (ed.) (2005) *Slovník bukovins'kikh govirok* [The Dictionary of the Bukovinian Dialects]. Chernivtsi: Ruta.
23. Avanesov, R.I. (ed.) (1989) *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI – XIV vv.)* [The Old Russian Dictionary (11th – 14th century)]. Vol. 2. Moscow: Russkiy yazyk.
24. Filin, F.P. (ed.) (1972) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [The Dictionary of Russian Folk Dialects]. Vol. 6. Leningrad: Nauka.
25. Bogatova, G.A. (ed.) (1988) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [The Dictionary of the Russian language 11th – 17th century]. Vol. 4. Moscow: Nauka.
26. Tseytlin, R.M., Vecherka, E. & Blagova, E. (eds) (1999) *Slovar' staroslavyyanskogo yazyka (po rukopisyam X–XI)* [The Dictionary of the Old Slavonic Language. By manuscripts of the 10th – 11th centuries]. 2nd ed. Moscow: Russkiy yazyk.
27. Bilodid, I.K. (ed.) (1978) *Slovník ukrayins'koyi movi: v 11 t.* Vol. 9. Kyiv: Naukova dumka.
28. Timoshenko, E.I. (2018) Motivatsionnye modeli formirovaniya semantiki “zabota” v russkom i drugikh slavyanskikh yazykakh [The motivational models of formation of semantics “care” in Russian and other Slavic languages]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A. Gumanitarnye nauki.* 10. pp. 134–138.
29. Belarus. (n.d.) *Tlumachal'ny sloŭnik belaruskay movy* [The Explanatory Dictionary of the Belarusian Language]. [Online] Available from: [https:// skarnik. by](https://skarnik.by) (Accessed: 29th October 2024).
30. Vasmer, M. (1987a) *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [The Etymo-

logical Dictionary of the Russian Language]. 2nd ed. Vol. 3. Translated from German by O.N. Trubachev. Moscow: Progress.

31. Vasmer, M. (1987b) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [The Etymological Dictionary of the Russian Language]. 2nd ed. Vol. 4. Translated from German by O.N. Trubachev. Moscow: Progress.

32. Chernykh, P.Ya. (1999) *Istoriko-etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [The Historical and Etymological Dictionary of the Russian Language]. 2nd ed. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk.

33. Kopetskiy, L.V. & Filipets, Y. (eds) (1976) *Cheshsko-russkiy slovar'* [Czech-Russian Dictionary]. Vol. 2. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya; Prague: Stat. ped. nakl.

34. Tsykhun, G.A. (ed.) (1985) *Etymalahichny slounik belaruskay movy* [Etymological Dictionary of the Belarusian Language]. Vol. 3. Minsk: Navuka i tekhnika.

35. Trubachev, O.N. (ed.) (1979) *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskiy leksicheskiy fond* [The Etymological Dictionary of Slavic Languages: The Proto-Slavic Lexical Fund]. Vol. 6. Moscow: Nauka.

36. Trubachev, O.N. (ed.) (1983) *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskiy leksicheskiy fond* [The Etymological Dictionary of Slavic Languages: The Proto-Slavic Lexical Fund]. Vol. 10. Moscow: Nauka.

37. Boryś, W. (2005) *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Krakow: Wydawnictwo literackie.

38. Fraenkel, E. (1962) *Litauisches etymologisches Wörterbuch*. Vol. 1. Heidelberg, Winter; Göttingen: [s.n.].

39. Karłowicz, J. (1907) *Słownik gwar polskich*. Vol. 5. Krakow: Jagiellonian University.

40. Kralik, L. (2015) *Stručný etymologický slovník slovenčiny*. Bratislava: Veda.

41. Urbanczyk, S. (1981) *Słownik staropolski*. Vol. 8-6 [53]. Wrocław – Warsaw – Krakow: Polska Akademia Nauk.

42. Šišková, R. (2009) *Aredlová studie slovní zásoby rusinských nářečí východního Slovenska. Diferenční slovník*. Prague: Slovanský ústav AV ČR.

Толстик Светлана Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Томского государственного университета (Россия).

Svetlana A. Tolstik – Tomsk State University (Russia).

E-mail: stolstik@mail.ru